

Словно желая лишь подчеркнуть свое презрение, маленькая девочка дождалась окончания фразы, после чего мозаика на ее лице исчезла. Она отдала Тан Мо гигантскую спичку и, развернувшись, побежала вглубь книжных рядов. Ее длинный хвостик забавно подпрыгивал в такт бегу, пока маленькая фигурка не растворилась в тенях между стеллажами.

— Динь-дон! Игра-противостояние Кто же украл мою книгу завершена.

— Идет подсчет наград...

— Игрок Тан Мо выполнил задание, награда: гигантская спичка, презрение от Мозаики.

— Игрок Чэнь Фанчжи провалил задание.

Звонкий детский голос эхом разнесся по пустой библиотеке, достигая ушей Тан Мо и Шэньгуня. В любых играх полагаются награды — даже в простейших карточных онлайн-приложениях можно получить какие-нибудь виртуальные монетки. Тан Мо сразу догадался, что эта большая спичка и есть его приз.

Но что это еще за презрение от Мозаики?

Разве это не подсказка к заданию? Что за чертовщина, какая же это награда!

Лицо Тан Мо то бледнело, то краснело, мысли путались. В отличие от него, Шэньгунь пребывал в полном оцепенении.

Шэньгунь проиграл. Если есть награды, то обычно бывают и наказания. В обычных играх проигрыш означает потерю денег, но что теряешь, проиграв в игре Черной Башни, не знал никто.

Башня не объявила наказание прямо, и Шэньгунь долго сидел в прострации, прежде чем медленно повернул голову к Тан Мо:

— ...Я умру?

Тан Мо не знал ответа. Он попытался утешить его:

— Не думаю, что все настолько серьезно.

Шэньгунь словно обрел надежду:

— Я верю тебе. Ты такой умный, твои слова имеют смысл. Она не будет такой жестокой. Она — бог, она принесет мне надежду и возрождение. Она — мой бог...

Тан Мо сжал в руках гигантскую спичку, спокойно наблюдая за тем, как Шэньгунь постепенно погружается в безумие.

Отсутствие четкого наказания тревожило его. Это было похоже на затишье перед бурей. Подобное отклонение от правил игры зачастую предвещало нечто куда более страшное и непредсказуемое. Однако Тан Мо тут же принялся успокаивать себя: если бы за поражение в игре полагалась смерть, то на планете уже вымерла бы как минимум половина населения.

Миллиарды погибших? Как такое возможно?

Невозможно.

Должно быть, невозможно...

Игра-противостояние закончилась, но библиотека не вернулась к нормальному состоянию. Тан Мо и Шэньгунь пытались выйти, но не могли покинуть здание. К тому же, за окнами третьего этажа царила лишь пустота.

Они все еще не вернулись в Сучжоу.

Минута за минутой тянулось время, а они все оставались заперты на третьем этаже.

Когда настенные часы пробили шесть, Тан Мо внезапно напрягся. Беспричинный ужас захлестнул его разум.

Сердце снова забилося с бешеной скоростью.

Оно колотилось так сильно, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Тан Мо ухватился за стеллаж, но устоять на ногах не смог и сполз на пол. Шэньгунь поспешил к нему:

— Что с тобой?

Из-за бешеного кровотока кожа Тан Мо за считанные минуты стала пунцовой, он походил на сваренного краба. Шэньгунь в испуге отпрянул, но быстро набрался храбрости и подошел ближе:

— Ты в порядке? Почему ты такой красный, лицо горит... У тебя лихорадка?!

Тан Мо лишь учащенно дышал, сохраняя ясность ума. Он с трудом выдавил:

— Сердце...

Шэньгунь сразу понял, в чем дело, и приложил руку к его груди:

— Почему оно так колотится! Двести ударов в минуту... нет, уже триста?!

Тан Мо не мог говорить. Про себя он поправил: триста девяносто четыре.

Выбраться из библиотеки было невозможно, внутри были только они двое. Шэньгунь, не зная, что предпринять, переложил Тан Мо на стол у стойки администратора, смахнув с него все бумаги. Затем он бросился в туалет, намочил бумажные полотенца и приложил их ко лбу Тан Мо в надежде хоть как-то облегчить его состояние.

Пульс Тан Мо достиг пятисот тридцати двух ударов в минуту. Он не знал, каков предел человеческих возможностей, но чувствовал, что в любую секунду сердце может разорваться. Однако, вопреки всем медицинским законам, оно продолжало работать.

Шэньгунь бегал в туалет, приносил мокрые салфетки и обкладывал ими каждый дюйм обнаженной кожи Тан Мо.

Тан Мо понимал, что это бесполезно, но был глубоко тронут стараниями Шэньгуня. Не в силах произнести ни слова, он смотрел на него покрасневшими глазами, видя, как тот обливается потом.

Целый час спустя Тан Мо, считая удары, заметил, что пульс начал замедляться.

Шэньгунь, решив, что это результат его усилий, принялся усерднее прикладывать холодные компрессы, даже на веки Тан Мо.

Спустя еще какое-то время Тан Мо почувствовал, что может двигаться. Он убрал влажные салфетки и, дрожа, поднялся со стола.

Шэньгунь как раз вышел из туалета и, увидев это, подбежал к нему:

— Тебе лучше?

Тан Мо открыл рот и почувствовал, как пересохло в горле. Сглотнув, он кивнул с улыбкой:

— Да, кажется, проходит.

— Слава богу, ты меня напугал, — выдохнул Шэньгунь.

Тан Мо серьезно посмотрел на него:

— Спасибо.

Шэньгунь покачал головой:

— Не за что. Не мог же я просто смотреть, как ты умираешь.

Их отношения были неловкими. С одной стороны, Шэньгунь втянул его в опасную игру, и между ними должно было возникнуть недоверие. С другой — когда Тан Мо стало плохо, Шэньгунь не бросил его, и Тан Мо не мог не испытывать благодарности.

После случившегося они стали ближе.

— Что это было? — спросил Шэньгунь. — Мой отец врач. При двухстах пятидесяти ударах сердце перестает качать кровь, и человек умирает за считанные минуты.

Тан Мо решил быть откровенным:

— У тебя в последние дни не было учащенного сердцебиения?

Шэньгунь покачал головой:

— Нет.

Тан Мо нахмурился:

— У меня началось три дня назад. Раньше не так сильно, но уже тогда пульс был выше трехсот. И еще я чувствую сильное раздражение. Возможно, из-за Башни. Я не сторонник паники, но и не оптимист. Но с сердцем я ничего не понимаю.

— Может, ты болен?

— Из-за этой суматохи я даже не успел сходить к врачу.

Шэньгунь задумался:

— Сходи обязательно. Такого я еще не слышал — триста ударов и жив, ты, наверное, единственный такой в мире. Может, тебя заберут на опыты как подопытную мышь? Впрочем, тогда лучше не ходи к врачу.

Тан Мо улыбнулся.

Щелк.

В тишине библиотеки раздался звук открываемой двери.

Они переглянулись: это была входная дверь на первом этаже!

Они бросились вниз. Сила, удерживавшая их, исчезла. Они добежали до массивных красных дверей.

Ключ в замке повернулся, раздался скрип, и дверь приоткрылась. Долгожданный солнечный свет упал на их лица. Это было настоящее солнце, не то, что фальшивый свет Ангела в игре.

Тан Мо зажмурился, чувствуя, как тепло проникает в каждую пору.

— О, Тан Мо, ты здесь? — раздался звонкий женский голос. — Пришел за вещами?

Тан Мо открыл глаза:

— Сяо Чжао?

Он вспомнил, что вчера вечером собирался забрать вещи, так как директор Ван сказал, что здание реквизируют. Он пришел в себя:

— Ты тоже за вещами?

Сяо Чжао улыбнулась:

— Да. Родители решили уехать из города, пока все не утихнет. Мы уезжаем в десять. А ты чего так рано? Что это у тебя в руках, спичка? О, Шэньгунь... кхм, а он что тут делает?

Шэньгунь нервно сглотнул.

Тан Мо спокойно ответил:

— Встретил его, когда забирал вещи, поговорили немного.

— И о чем с ним можно говорить... — пробормотала Сяо Чжао. — Ладно, я быстро заберу свое.

Она сделала шаг к дверям. В тот момент, когда ее нога занеслась над порогом, Тан Мо широко раскрыл глаза, его зрачки дрогнули.

— Чжао Янь!

Это было ее настоящее имя. Она работала здесь полгода, и мало кто его знал. Тан Мо выкрикнул его так громко, что девушка удивленно обернулась:

— Что случилось?

Тан Мо открыл рот, но не смог выдать ни слова. Он смотрел на ее ноги. Сяо Чжао проследила за его взглядом, опустила глаза и вдруг упала, пятясь назад.

— Что это, что это... Где мои ноги! Где мои ноги!!!

Слезы хлынули из ее глаз.

Это была двадцатилетняя выпускница университета. Она рыдала, ощущая пустоту там, где должны были быть ноги.

В глазах Тан Мо по ее телу ползла невидимая линия. Все, чего она касалась, исчезало, словно саму девушку стирали из этого мира.

Он не знал, когда это началось, но когда он заметил линию, голени Сяо Чжао уже пропали. Она этого даже не почувствовала, продолжая стоять и разговаривать.

Слезы и сопли текли по ее лицу. Исчезла талия. Она доползла до ног Тан Мо, вцепилась в его брюки:

— Спаси меня, брат Тан, спаси! Что со мной?! Помоги мне!

Тан Мо схватил ее за руки, но стоило ему коснуться ее, как линия дошла до плеч, и руки исчезли.

Прозрачная нить коснулась шеи.

На полу осталась лишь голова, полная слез, глядящая на Тан Мо с невыразимым ужасом.

— Я не хочу умирать... Я еще не влюблялась. Я хотела дочитать книгу... Мама... Папа... Я не хочу... Брат Тан...

Рот исчез.

Глаза, залитые слезами, продолжали смотреть на него, пока человек не исчез полностью.

Меньше минуты. Живой человек просто перестал существовать.

Мозг Тан Мо отключился. Но больше всего его пугало то, что он оставался пугающе спокойным. Он смотрел на место, где только что была Сяо Чжао, полминуты, а потом резко обернулся к Шэньгуню.

В темной библиотеке ноги Шэньгуня ниже бедер уже исчезли. Он бледным лицом смотрел на Тан Мо, выдавив жалкую улыбку:

— Тан... Тан Мо, это и есть наказание за поражение...

— Шэньгунь!

Грохот. Шэньгунь упал.

Тан Мо бросился к нему, схватил за руки.

Шэньгунь плакал, слезы текли по лицу, сопли прилипли к губам. Он вцепился в руки Тан Мо:

— Я не хочу умирать... Спаси меня, Тан Мо, я не хочу умирать...

Тан Мо был бессилен. Он пытался удержать остатки тела Шэньгуня, но когда линия проходила, под его руками оставался только воздух.

Осталась только верхняя часть туловища.

— Не бойся, должен быть выход, — сказал Тан Мо.

— Какой выход? — рыдал Шэньгунь. — Я не хочу! Тан Мо, помоги! Ты устранил меня, спаси меня!

Тан Мо молчал.

Шэньгунь тоже затих, только продолжал плакать. Время растянулось. Когда грудная клетка начала исчезать, он в последний раз сжал руки Тан Мо и прохрипел:

— У меня есть дочь. В Шанхае. Мы с женой развелись. Посмотри, жива ли она. Ее зовут Шаньшань, Чэнь Шаньшань. Она должна жить! Посмотри на нее, хотя бы одним глазком!

Руки Шэньгуня исчезли.

— Помоги мне, Тан Мо, умоляю. Она должна быть жива!

— Где она живет? — спросил Тан Мо.

— В районе Цзинъань, учится в школе Шибэйли, в седьмом классе...

Рот Шэньгуня исчез.

Его глаза впились в Тан Мо.

Линия дошла до ушей. Он смотрел на Тан Мо, не мигая, с покрасневшими глазами, словно вкладывая в этот взгляд последние силы.

— Я найду ее, она должна быть жива.

Линия стерла уши, но взгляд Шэньгуня вдруг стал спокойным. Он продолжал плакать, не в силах говорить. Перед тем как глаза исчезли, он подмигнул Тан Мо, и последняя слеза упала на пол.

Тан Мо остался сидеть один у входа в библиотеку. Сяо Чжао исчезла, Шэньгунь исчез.

Пробило восемь. Восемь ударов маятника эхом разнеслись по библиотеке, а Тан Мо все сидел на холодном полу.

— Спи, мой милый, засыпай. Мама нежно качает тебя...

Мягкий, добрый женский голос зазвучал над всем городом Сучжоу.

Тан Мо медленно повернул голову к черной башне, висевшей в двухстах метрах.

Разноцветные огни мерцали на ее поверхности. День назад вокруг башни были тысячи людей; теперь остались лишь семь или восемь человек, которые, как и Тан Мо, сидели на земле, глядя на поющую башню.

Женский голос закончил куплет, и к нему присоединился детский хор.

— Спи, мой милый, засыпай.

Мама нежно качает тебя.

Колыбель качает тебя, спи сладко.

Ночь тиха, в кроватке так тепло...

Песня повторялась снова и снова. Ветер разносил ее по всей земле.

Когда песня стихла, раздался знакомый детский голос:

— Динь-дон! Четыреста девяносто восемь миллионов сто шестьдесят тысяч игроков успешно загружены в игру...

— Сохранение игры...

— Загрузка данных...

— Загрузка информации об игроке...

- Сохранение успешно...
- Загрузка завершена...
- Загрузка завершена...
- Динь-дон! 18 ноября 2017 года, добро пожаловать в игру.
- Объявляю три железных правила Черной Башни:
- Первое: все толкования принадлежат Черной Башне.
- Второе: с 6:00 до 18:00 — игровое время.
- Третье: всем игрокам приказано штурмовать башню.
- Динь-дон! Приятной игры!

<http://bllate.org/book/20555/2053877>